

А в погребѣ был рак...

(О поэзии В.Г. Богомякова)

Стихи Владимира Богомякова я впервые прочёл в начале 2000-х годов на сайте "Топос". Не мог пройти мимо этого виртуального литературно-философского журнала. Меня всегда интересовала философия, а краткие, но запоминающиеся встречи с мудрыми людьми приучили ждать от них чего-то необычного. Именно на это и настраиваешься, читая предлагаемые ими произведения. И здесь первое же прочитанное стихотворение ошеломило:

* * *

Во мне совсем нет места для Вечности.

Только этот живот да эти конечности.

Только трюки любви в моем правом предсердии.

Нет в крови кислорода и нет милосердия.

Только печальные эти бактерии,

Сидящие вечером в сонной артерии.

Лишь дракон и феникс на митральном клапане,

Что держат белую розу своими лапами.

...

"Во мне совсем нет места для Вечности..."

Воображение автора, по-видимому, не зря обратилось к вечности и не просто к вечности а к Вечности (с большой буквы). Это

действительно волнующее и загадочное для каждого человека, пытающегося осмыслить своё место в мире, понятие. Известен сюжет из восточных сказок,

в котором Ворон, прилетающий к огромной гранитной горе раз в сто тысяч лет, пытается отколупнуть от неё хоть кусочек. Понятны тщетные усилия волшебной птицы, так как, будь её клюв из самой крепкой закалённой стали, что он значит против твёрдости гранита?! И если легенда уверяет, что Вечность исчерпывается только тогда, когда Ворону удастся склевать всю гору, то становится ясной огромность неисчерпаемого и не изобразимого другими способами Времени, из которого Вечность, собственно, и состоит.

Итак, Вечность, в которой жизнь отдельного человека, да и вся наша человеческая история, представляет собой неуловимую и ничтожную малость и должна, по фантазии Владимира Богомякова, найти место в нём самом, в его отдельном организме. Разумеется, он прав, и искомого места Она там не находит. Человек, увы, не вечен. Иными словами, автор фигурально говорит: все мы, ребята, под Богом ходим. Истина реально философская и даже вошедшая во многие учебники логики в виде силлогизма: "Все люди смертны. Кай — человек. Следовательно, Кай смертен." И это так.

Что же дальше? Затем Владимир обращается к реальности. Описывает сам себя. Очерчивает некий автопортрет, из которого мы видим, что он жив, но, мягко говоря, не здоров. С "животом" и "конечностями", кажется, всё в порядке, а вот сердечко малость барахлит. То ли оно влюблено ("...трюки любви в правом предсердии..."), то ли отягощено воздействием некоторых сомнительных, возможно, лекарственных веществ, на которые намекают "дракон и феникс", держащие "белую розу" "на митральном клапане." Нитроглицерин? Гашиш или опиум? Гиперболическое отсутствие кислорода в крови и неведомые "бактерии" в "сонной артерии", вроде бы, указывают на вероятный приём наркотиков внутривенно...

Но это, разумеется, гипотеза, эвристические умозаключения на основе поэтического высказывания. Главный вопрос, который нас занимает, не этот. Главный вопрос, который возникает при чтении любого поэта, привлекшего наше внимание и удивившего нас, это: "А как же сделаны стихи?" Если читатель к тому же сочиняет и сам, то он невольно спрашивает себя: "А смог бы я так написать?"

Могу ли сочинить, к примеру, такое:

Купил я водки две чекушки

И засадил: "Ну, чем не Пушкин?!"

Нет, я бы так, конечно, никогда, никогда не высказался. Для этого я слишком уважаю великого русского классика. Но мало ли как я высказываюсь и мало ли чего уважаю. Сейчас на повестке дня не что-то сомнительные вирши, а факты сибирского "Топоса". Всё-таки хорошо, что это — литературно-философский ресурс. Философы — моя слабость.

Раньше мало чего понимал о мудрецах человечества. Постепенно разобрался в них. Философы — это такие люди, которые говорят и судят о чрезвычайно многом, причём ошибаются крайне редко, поскольку привыкли, в силу профессии, рассуждать последовательно и логично, а если и ошибаются, то чаще всего в главном, так сказать, в принципиальном, том самом, откуда начинаются все рассуждения.

Поэтому по пустякам с ними спорить бесполезно — они тут же уложат тебя на лопатки. Значит, надо не обращать внимания на видимые хитросплетения и заморочки, системность или бессистемность изложения, а попытаться найти в их учении самое главное, ту печку, от которой они пляшут.

Часто такой печкой является проблема жизни и смерти. Не напрасно Богомяков заканчивает стихотворение о Вечности строками:

...

И уехать, как попугай к сороке, когда скажут "Поехали!",

Оставляя за собой бытие со значительными прорехами.

"Во мне совсем нет места для Вечности..."

Ясно, что не участь неведомого "попугая", уехавшего к "сороке", волнует автора. Видели мы и заморских попков всех цветов радуги размером с воробья, и деревенских сорок величиной с добрую курицу. Хотя путешествие из клетки в лес для говорливого жителя городской клетки означает верную гибель.

Сдаётся, под этим пернатым персонажем лирический герой неявно предполагает совсем не птицу, а самого себя. И знаменитое гагаринское "Поехали!" ему суждено услышать отнюдь не на взлёте космического корабля, а "оставляя за собой бытие", то есть попросту, умирая.

А под "значительными прорехами" бытия скорее всего подразумеваются периоды беспмятного существования во сне либо в опьянении. Возможно, это моменты недостойного человека существования в часы отупляющей, монотонной и бессмысленной физической работы, от которой ни в душе, ни на сердце ничего не остаётся, разве что в кармане появляется малое количество денежных знаков.

Мысли, чувства и намерения, возникающие при чтении стихотворения Владимира Богомякова, могут быть и другими, не столь доброжелательно-проницательными, каковые возникли и описаны выше. Читатели-то бывают разными.

Рассмотрим внимательно другое стихотворение, размещённое на той же странице. Оно тоже о жизни и смерти, правда с иной точки зрения. Владимир обращается в нём к теме православия. В сущности перед нами лирическое высказывание об известном тексте весьма распространённой молитвы. Художественное произведение. Личный поэтический миф о религиозной, освящённой вековыми традициями, уставами церковных канонов и ритуалов частичке христианского богослужения, устремляемой к Богу-отцу.

...

В нездоровом сердце крестьянской страны.

Глядит со стены и с небесной тверди

Очищающий ны.

Миллиарды ртов произносят,

Читают Господню молитву:

"Отче наш, Иже еси на Небесех!"

...

"Избави нас от лукавого."

Поскольку опус закачивается намёками на дьявольские пророчества о мировых расселениях арабов и страшной катастрофе в Калифорнии, то речь идёт о жизни и смерти в массовых масштабах, в масштабах планеты. Хотя лирического героя это занимает гораздо меньше, чем описание расслабленного Лукавого, окружённого тропическими животными: морскими лилиями (иглокожими), голотуриями (иглокожими), офиурами (иглокожими) и просто иглокожими без названий. Видно, скорняжьи вопросы "иглы" и "кожи" серьёзнее беспокоят мифического ЛГ, но не будем на этом задерживать нашего внимания.

Десакрализация священного — вот что бросается в глаза по большому счёту. Бог-отец глядит не с церковной иконы, а с обычной

стены. Изображаемая страна — не рабоче-крестьянская, в которой к годам перестройки было не менее 70% населения именно рабочих, а крестьянская. В стране, насчитывающей от силы 150 миллионов жителей, из которых воцерквлённых граждан по статистике не более 2%, молитву произносят миллиарды ртов. Чьи же это рты? Может быть, иглокожих? Да, богомяковская фантазия может завести нас очень далеко. Утешимся тем, что это всего лишь поэтика — от поэтического инструмента метонимии до художественного приёма преувеличения, без которых и стихи — не стихи.

Тогда же эссе Владимира Богомякова “О впадении в болезнь” упомянул "Новый мир" (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/6/ww1.html). В 2006-м году этот журнал дал уже страничную подборку его произведений: "Край кипящего молочка" с предисловием Владимира Перельмана.

Начиналась страница со следующей вещи:

* * *

Два старых хиппи стали сборщиками картофеля.

В 6 утра они выходили на грязные поля.

А кормили их жидкой похлебкой из маркофеля.

По таким законам живет Сердцевинная Земля.

Сердцевинная и сердцевидная —

Из космоса напоминающая огромное остановившееся Серое Дце,

Розами увитое, стрелами пробитое.

Его умирающий и наблюдает в самом конце....

"Два старых хиппи стали сборщиками картофеля..."

Как видим, та же неувядаемая тема "жизни и смерти".

Знаменательна концовка произведения о фильме "Броненосец Потёмкин":

...И вся наша жизнь. Лишь кораблик плывет по бумаге.

Эйзенштейн тихо курит гашиш. В небе реют красные флаги.

Третье стихотворение — очень краткое и земное. Приведу его целиком, чтобы читатель мог оценить всю гениальность простоты и правоту логики Владимира Богомякова.

* * *

Пустынно-глухо, в полусне

Собачка бежит по небу.

За разноцветными ширмочками разливают вино "Миснэ".

Лежит на полу деревянный Бунин.

Ходит старушка посереде двора.

Бражку пьет и кружит разная детвора.

Летят на нас безглазые канарейки.

Девушка пьяная улыбается со скамейки.

Водит карлик кошечку за лапочки.

Кошечка смеется, и все ей до лампочки.

"Пустынно-глухо, в полусне..."

Какое может быть сомнение? Перед нами ничем не скрываемые сюрреалистические картины. Кто-то назвал бы это бесцензурным разнузданным бредом законченного алкоголика, но это не так. Нам предлагают произведения искусства и уверяют, что это — шедевры современной эстетики.

В последующее десятилетие на творчество В. Богомякова обратили внимание и другие "толстяки": "Знамя" и "Октябрь". Публиковались объёмные подборки весьма мудрёных текстов.

2008 год, журнал "Знамя"

(<http://magazines.russ.ru/znamia/2008/3/bo9.html>):

* * *

Батюшка даёт по десятке с утра всем мужикам, чтоб не сдохли с похмелья.

Идут к магазину, а там уже кот пляшет в приступе сродного с бездной веселья.

Что ты, усатый, давай по пивку, хватит скакать...

"Батюшка даёт по десятке с утра всем мужикам, чтоб не сдохли с похмелья..."

Или там же:

* * *

Из квашеной капусты вылез кто-то, пучеглаз и прекрасен.

"Во взгляде на женщину я с графом Толстым не совсем согласен!"

Шарах его ложкой, назад полезай откуда вылез.

Нечего тут рассуждать, тоже мне нашёлся битлес.

...

"Из квашеной капусты вылез кто-то, пучеглаз и прекрасен..."

И заключительное двустишие приведу целиком:

* * *

*Берёзу по морозу, что сахарок, кололи. Бессмысленны скоты дрова
весь день кололи.*

Кололи, приговарьвали на тайных языках. А девки у них видели наколки на руках.

"Берёзу по морозу, что сахарок, кололи. Бессмысленны скоты дрова весь день кололи..."

Звуко-образная эволюция фонетических акцентов и совпадений от "иглокожих" привела к "колющим дрова" и "наколкам". Тенденция за более чем 6 лет пока не изменилась.

Журнал "Знамя" за 2014 год, стихотворение, в котором намечается как бы выход из запоя и очередной подход к православию:

** * **

Если месяц подряд вы бухали, не нужно грустить!

Вам чайку с зверобоем хорошо бы попить.

Взять билет до Укропной, почитать любимую книжку свою

Про то, как от Бытия к Ничто мы приходим, а от Ничто опять к Бытию.

Поезда устают, и автобусы, и самолёты, и сороконожки.

Есть такие постройки, меж которыми не протаптываются дорожки.

Пахнет мышами и летом в зелени мёртвых дубрав.

И никогда не убойся, смертью смерть поправ.

"Если месяц подряд вы бухали, не нужно грустить!.."

Заметим, что по некоторым сведениям, первая публикация автора была не в России, а во Франции, в самом городе Париже, куда он отправил стихи обычным письмом. Вот какие зарубежные отсветы-призраки расцвели в родной навеки тюменщине.

В журнале "Октябрь" № 8 за 2013 год было опубликовано стихотворение Богомякова о маньяке:

* * *

В месяц студень не болтайтесь ночью за вокзалом; не то выйдет на вас один такой – лицо земляное, голосок осиный,

спрашивает, мол, где здесь, мужик, улица Фабричная. Ох, не Фабричную ему нужно улицу и не денежки ваши...

"В месяц студень не болтайтесь ночью за вокзалом; не то выйдет на вас один такой – лицо земляное, голосок осиный,.."

Но и не пугайтесь чересчур сильно: тут же и средство от страшного маньяка выдаёт добрый поэт. Оказывается, отпугнуть сумасшедшего убийцу может слог "бе" в двоичном исчислении, то есть повторённый два раза. Вот так: "Бе-бе!" Стоит произнести это, как преступник пугается и исчезает. Так что при желании можно и "поболтаться ночью за вокзалом".

Впечатление от прочитанного мною у Богомякова наводит на мысль о тяжёлой форме мизантропии рассказчика. Дружба по переписке и собутыльники от порока ничуть не спасают. Не спасает и работа с людьми: профессору философии по роду деятельности приходится много общаться с молодёжью — читать лекции, проводить семинары. Как видим, это средство тоже бессильно. Где образы юных любознательных студентов и пытливых, жадных к науке студенток? Единственно тёплые, человеческие чувства у Владимира Богомякова вызывают отнюдь не люди, а собаки.

Прочитайте стихотворение "Проклятие собаки" и сразу прочувствуете это сами.

ПРОКЛЯТИЕ СОБАКИ

Собака плакала в вольере,

Размазывая лапой слезы по лицу:

«Вы что же это, суки, совсем обалдели,

Совсем не даете мне колбасу.

Вам — котлеты с картошкой. Мне — хлеб и вода.

Да как же не стыдно вам, господа.

...

"Проклятие собаки"

Второе впечатление, точнее мнение, которое сложилось постепенно, — это то, что стихи Богомякова не надо принимать эмоционально или рассудочно — толку не будет. Это — стихи-заклинания, такие же невнятные и непонятные, как "бе-бе", рассчитанные на авторитет печатного слова для читающего, культурно-политическую ситуацию, на религиозность в конце концов. И требуют они одного — бездумного приятия, слепой безоговорочной веры. *Credo quia absurdum*. (Верю, потому что это абсурдно). Другого способа положительно воспринять такую поэзию не существует.

Правда, философ Шопенгауер, которого хорошо знает Владимир Богомяков, говорил: "Абсурдное нравится в первую очередь безголовым" — и, на мой взгляд, был совершенно прав.

Сергей Сметанин